

Лао Сун видел, как Сюй Сицзин уклонился от прикосновения Цинь Цзэюаня, и лицо того на мгновение потемнело. Лао Сун, опасаясь, что Цинь Цзэюань сейчас передумает, уже хотел что-то сказать, но вдруг заметил, как тот, словно развеселившись, погладил Сюй Сицзина по волосам: «Ладно, тогда поедем домой».

Цинь Цзэюань велел Лао Суню отправить врача, а сам откинул одеяло и начал одевать Сюй Сицзина.

Из-за бледной и нежной кожи Сюй Сицзина его раны выглядели особенно ужасающе. Он явно вздрогнул, пытаясь избежать прикосновений Цинь Цзэюаня, но сил не было ни на что, и он лишь беспомощно позволил себя одеть.

Цинь Цзэюань, очевидно, никогда раньше никого не одевал, движения его были неуклюжими. Закончив, он весь вспотел, встал и подошёл к кровати, чтобы позвонить помощнику и организовать возвращение в город Б.

Закончив разговор, он обернулся и увидел, что Сюй Сицзин уже уснул, прислонившись к изголовью. Он подошёл, взял его на руки и вышел из комнаты. У лифта их догнал Чжоу Фань, который робко позвал: «Господин».

Пока ждал лифт, Цинь Цзэюань воспользовался паузой: «Чжоу Фань, ты уже несколько месяцев со мной и должен знать, что я не люблю самоуверенных людей, которые действуют по своей прихоти».

Чжоу Фань вот-вот расплачется: «Господин, я не хотел, я просто... я просто не сдержался. Господин, куда вы? Возьмите меня с собой, пожалуйста!»

Цинь Цзэюань усмехнулся: «Раньше я тебя баловал, твои мелкие хитрости и уловки я мог не замечать. Но ты не должен был злоупотреблять моей благосклонностью, чтобы красоваться и заглядываться на то, что тебе не принадлежит».

Двери лифта открылись. Цинь Цзэюань вошёл внутрь, не выпуская Сюй Сицзина из рук. Чжоу Фань же ухватился за дверь, не давая ей закрыться: «Господин, я виноват! Я не должен был провоцировать молодого господина, не должен был идти к нему без вашего разрешения! Простите меня, один раз!»

Цинь Цзэюань посмотрел вниз, на Сюй Сицзина в своих руках. «Кого ты там провоцируешь — твоё дело. Мне не должно быть дела до того, чтобы постоянно за тобой убирать. Но ты вечно полагаешься на свою смекалку и делаешь то, что я запретил. Я же говорил тебе: я не держу рядом непослушных питомцев».

Сказав это, он кивнул, давая знак Чжоу Фаню убрать руку.

Тот машинально отнял ладонь, и двери тут же закрылись. Спустя мгновение Чжоу Фань словно очнулся и закричал: «А Сюй Сицзин? Он ведь тоже тебя никогда не слушался!»

Но лифт уже мчался вниз, и Цинь Цзэюань ничего не услышал.

Чжоу Фань яростно стиснул зубы. Он нащупал в кармане телефон и вдруг усмехнулся. Он снова был благодарен Карен: если бы не работа у неё помощником, он бы не раздобыл столько контактов в этом самом «круге».

Сюй Сицзин, как человек из этого «круга», конечно, должен быть судим по его правилам. Это

будет справедливей всего.

В таком состоянии Сюй Сицзин не мог лететь самолётом, пришлось ехать на машине. После долгой и утомительной дороги, когда они наконец вернулись в город Б и он оказался в постели в старой усадьбе, Сюй Сицзин, казалось, заболел ещё сильнее.

У семьи Цинь был личный врач; он уже ждал у входа в усадьбу. Осмотрев больного, он лишь сказал, что болезнь наваливается как лавина, а уходит по крупицам. Сюй Сицзин и до этого переутомился на съёмках, да ещё два дня тянул с лечением — чтобы окончательно поправиться, потребуется немало времени.

Цинь Цзэюань ничего не сказал, лишь велел врачу приходить каждый день и лечить как следует.

Позже врач, оставшись с Цинь Цзэюанем наедине, сообщил, что разрывы в нижней части тела Сюй Сицзина тоже вызывают опасения. Из-за задержки с лечением раны начали воспаляться, да и вначале их плохо обработали. Теперь долгое время нельзя будет подвергать их нагрузке.

Сюй Сицзину наложили мазь и поставили капельницу. Сознание его прояснилось, уже не было той тяжёлой, туманной боли в голове, что мучила его последние дни. В комнате стояла тишина; обученные слуги ходили по устланному ковром коридору за дверью, не издавая ни звука. Сюй Сицзину оставалось лишь смотреть, как падают капли.

Вскоре он снова задремал — болезнь всё ещё брала своё, он то приходил в себя, то проваливался в сон. Очнувшись, он увидел, что капельница уже закончилась, а в комнате по-прежнему никого не было.

Через несколько дней, когда ему стало лучше, Сюй Сицзин наконец осознал: его заперли. Заперли в одной из комнат старой усадьбы, где никто не смел с ним говорить. Врач приходил, осматривал его и уходил, докладывая обо всём Цинь Цзэюаню; медсёстры и слуги тем более не решались заговорить с ним без приказа.

Сюй Сицзин словно перенёсся в эпоху немого кино, как в старых фильмах прошлого века.

Этот «немой» период длился до того дня, когда служанка принесла таз с водой, чтобы обтереть его. Нервы Сюй Сицзина, сдавленные долгим молчанием, не выдержали, и он взвизгнул: «Что ты делаешь?!»

Служанка испугалась и бросилась докладывать Цинь Цзэюаню. Вскоре тот появился на пороге: «Полежал несколько дней — и снова сил набрался, чтобы дурить?»

Сюй Сицзин всё ещё не мог успокоиться и кричал: «Не позволяй им прикасаться ко мне!»

Цинь Цзэюань усмехнулся: «Не позволить им? Так, может, мне самому?»

Сюй Сицзин остолбенел, затем с негодованием отвернулся и замолчал. Цинь Цзэюань знаком велел служанке выйти. В конце концов, конечно, всё равно это сделала она: Цинь Цзэюань велел врачу добавить в лекарства Сюй Сицзина успокоительное, и тот погрузился в сон.

Пока Сюй Сицзин продолжал поправляться, к Цинь Цзэюаню пришёл Лао Сун. Из-за болезни Сюй Сицзина тот не ходил в офис, оставаясь в старой усадьбе, а все важные дела приносили ему помощники и секретари. Вопросы, связанные с работой Сюй Сицзина в компании, никогда не проходили через управляющих — всегда докладывались напрямую Цинь Цзэюаню через Лао

Суна.

Когда Лао Сун пришёл, Цинь Цзэюань был в саду и наблюдал, как рабочие убирают опавшие листья. Стоял конец октября, и суровая осенняя прохлада уже захватила все улицы. В этот редкий солнечный день Цинь Цзэюань кивнул Лао Суню, приглашая пройтись вместе, и спросил: «В чём дело?»

Лао Сун ответил: «Программа «Развлекательное расследование» сделала анонс: завтра они выпустят материал о молодом актёре, который зазнался, самовольно покинул съёмочную группу и злоупотребляет дублёрами».

Цинь Цзэюань не выглядел удивлённым и лишь спросил: «Сколько у них информации?»

Лао Сун не мог понять его реакцию, но ответил честно: «Они следили за съёмочной группой с того дня, как молодой господин уехал, так что материала накопилось уже на четыре-пять дней».

Цинь Цзэюань кивнул и вдруг отдал приказ: «Не дави на это. Чжоу Фань вернулся? Пусть Сяо У отвезёт его в ту квартиру».

Лао Сун не ожидал такого решения и осторожно сказал: «Господин, если такие новости выйдут сейчас, это может повредить репутации молодого господина...»

«Пусть повредит. Ты думаешь, я шутил, когда говорил, что он больше ничего не будет делать?» — Цинь Цзэюань повернулся и пристально посмотрел на Лао Суна.

Тот отступил на шаг, испуганный его взглядом, и попытался ещё раз заступиться: «Господин, подумайте ещё раз. Молодой господин ведь действительно любит это дело...»

«Он много чего любит, — возразил Цинь Цзэюань. — Он также любит идти мне наперекор. И я должен ему во всём потакать?»

«Господин, это просто детские капризы, он не всерьёз».

Цинь Цзэюань усмехнулся, услышав эти оправдания: «Лао Сун, я велел тебе следить за ним, а ты сам поддался его обаянию. Взгляни-ка, что это такое!»

Он достал из кармана конверт и швырнул его Лао Суню. Тот вскрыл его и увидел пачку фотографий, на которых были запечатлены Сюй Сицзин и Кун Вэйвэй наедине.

Лао Сун смотрел на них, и удивление его лишь росло: «Это... когда всё это произошло?..»

Цинь Цзэюань забрал конверт обратно и сунул в карман: «Тебе лучше не спрашивать, когда это произошло, а узнать, кто ещё изображён на этих фотографиях». Он поправил одежду и добавил: «И больше не заступайся за него. Я знаю, что делаю».

На следующий день новости о Сюй Сицзине действительно заполнили все заголовки.

Когда они вышли, Чжоу Фаня уже держали в квартире, которую когда-то купил ему Цинь Цзэюань. Увидев его жалкий, дрожащий вид, Цинь Цзэюань почувствовал лишь глубокую усталость.